Поташова К. А. Поэтика визуального образа в «кавказском тексте» А. С. Грибоедова / К. А. Поташова // Научный диалог. — 2020. — № 3. — С. 250—264. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-250-264.

Potashova, K. A. (2020). Poetics of Visual Image in “Caucasian text” by A. S. Griboedov. *Nauchnyi dialog*, 3: 250-264. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-250-264. (In Russ.).

УДК 821.161.1Грибоедов.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-250-264

ПОЭТИКА ВИЗУАЛЬНОГО ОБРАЗА В «КАВКАЗСКОМ ТЕКСТЕ»

А. С. ГРИБОЕДОВА¹

© Поташова Ксения Алексеевна (2020), orcid.org/0000-0002-0164-0371, ResearcherID Y-9252-2018, SPIN 7997-0089, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области Московский государственный областной университет (Москва, Россия), kseniaslovo@yandex.ru.

Объектом исследования выступает «кавказский текст» А. С. Грибоедова в его эстетике живописного. Цель исследования — выявление особенностей и принципов создания иллюзии зрительного восприятия в «кавказском тексте» А. С. Грибоедова. Актуальность поставленной проблемы определяется акцентуацией ценностного знакомства русского читателя с кавказской культурой в ее природной составляющей, а также малоизученностью «кавказского текста» А. С. Грибоедова и необходимостью уточнения особенностей становления художественного метода поэта. Новизна исследования заключается в выявлении особенностей поэтики визуализации в «кавказском тексте» А. С. Грибоедова, определении механизмов словесной передачи живописного. Посредством анализа «кавказского текста» в традиции *pittoresque voyage* (путешествия в поисках живописного) в статье впервые рассматривается поэтика живописной изобразительности А. С. Грибоедова, проявившаяся в отборе красочных видов, следовании принципу местного колорита, нахождении цветовых решений для словесных пейзажей. Среди ведущих принципов изобразительности выделяются принципы кадрирования, чередования общего, крупного и сверхкрупного (объемное изображение мелких деталей) планов. Делаются выводы о важности средств визуализации для создания природных и национально-бытовых картин Кавказа. Господство поэтики осязаемой предметности при воспроизведении национальных картин и исторических событий позволяет рассматривать «кавказский текст» А. С. Грибоедова как ступень к новой, реалистической, традиции изображения Кавказа, а реализм — как основу художественного метода поэта.

Ключевые слова: визуализация; художественный образ; *pittoresque voyage*; местный колорит; Кавказ; А. С. Грибоедов.

1 Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-78-00118 «Визуализация художественного образа в русской поэзии конца XVIII — первой трети XIX века».

1. «Кавказский текст» А. С. Грибоедова как предмет научного осмысления

15 января 2020 года исполнилось 225 лет со дня рождения А. С. Грибоедова, по словам А. С. Пушкина, «человека необыкновенного» [Пушкин, 1948, с. 484]. Под влиянием ослепительной яркости комедии «Горе от ума» не часто замечается «остальное» творческое наследие А. С. Грибоедова. В то же время длительные поездки по горным дорогам Кавказа позволили поэту приобрести мастерство художника, тонкого наблюдателя окружающей природы. «Кавказский текст» составляет группа произведений, в которых жизнь этого южного региона осмысливается поэтом «в пространственной определенности, <...> в единстве историко-культурного содержания и особого географического положения» [Ходанен, 2015, с. 50]. Объектом настоящего исследования стали путевые заметки А. С. Грибоедова, включающие среди прочих (всего двенадцать фрагментов) тексты, созданные в 1818—1819 годах на Кавказе, и более позднее стихотворение «Хищники на Чегеме» (1825). Произведения А. С. Грибоедова воссоздают особую кавказскую атмосферу, переданную с помощью средств визуализации природы горного края — в зримых образах гор, утесов, ущелий.

Находясь по делам дипломатической службы в пути через Закавказье в Персию в 1818 году, А. С. Грибоедов составлял путевые письма, адресованные к ближайшему другу С. Н. Бегичеву. Сам поэт указывал, что его письма носят частный характер и не подлежат печати, несмотря на представляющее для современников интерес открытие еще в полной мере неизведанной ранее жизни Кавказа: *Ни строчки моего путешествия я не выдам в свет, даром что Катенин жалеет об этом и поощряет меня делать замечания* [Грибоедов, 1911—1917, т. III, с. 134]. Путевые письма дополняют путевые журналы, состоящие из каждодневных фиксаций наблюдений и впечатлений. Первый журнал, представляющий наибольший интерес в связи с отражением эмоционального состояния поэта, только что попавшего в эти места, состоит из восьми коротких частей, каждая из которых самим А. С. Грибоедовым названа «переходом» и обозначена порядковым номером («1-ый переход», «2-ой переход» и т. д.) в соответствии с каждым из восьми дней поездки, и отдельных заметок. Д. А. Смирнов, опубликовавший путевые замечания А. С. Грибоедова в журнале «Русское слово» (1859), сопроводил данную часть (путевой журнал) заглавием «Путешествие от Моздока до Тифлиса» и комментарием, в котором точно уловил характер записей, указав на их краткость и яркость отражения впечатлений от дороги: «Записи, скорее маршрут, заключают в себе сжатое описание пути от Моздока через Владикавказ и Тифлис. Несмотря на краткость и лаконичность записей, не трудно

заметить, что автор совершает этот путь в первый раз. Суровая горная природа подавляет его. <...> Все эти впечатления, знакомые каждому, проезжающему впервые по военно-грузинской дороге» [Смирнов, 1859, с. 9]. Опора на краткость записей позволила Д. А. Смирнову определить представленные А. С. Грибоедовым восемь переходов как маршрут, то есть небольшое по форме изложение увиденного в пути. Подобная форма подневных записей нашла свое продолжение и в последующих путевых записях: «Путешествие с шахом» и «Путешествие из Тавриза в Тифлис».

Комментируя «Путешествие от Моздока до Тифлиса» и последующие путевые записи А. С. Грибоедова, исследователи обращали внимание на их отрывочность, отмечая бессвязность формы, называли произведения незаконченными, см.: [Смирнов, 1859; Пиксанов, 1917; Фомичев, 1988]. Из-за кажущейся на первый взгляд незаконченности путевые журналы ранее не привлекали должного внимания литературоведов, интерес к этим записям обнаруживается в двух аспектах: в связи с изучением восточной топонимики в эпистолярном наследии поэта [Абдалтаджеддини, 2014] и при осмыслении кавказской темы в творчестве А. С. Грибоедова в контексте идей декабристов [Казиева и др., 2015]. Действительно, форма записей А. С. Грибоедова обращает на себя внимание своей краткостью: впечатления от пребывания на Кавказе поэт излагает в простых (в том числе назывных) предложениях (*Отъезд вдоль Арагвы. Опять знакомые берега. Утренняя песнь грузинцев* [Грибоедов, 1911—1917, т. III, с. 132]). Факт возможной последующей доработки путевых журналов не подлежит сомнению, о желании доработать записи сам А. С. Грибоедов сообщает в письме к С. Н. Бегичеву: *Журнал из Моздока в Тифлис получишь после, потому что он еще не существует* [Там же, с. 33]. И все же обращение к «кавказскому тексту» А. С. Грибоедова с художественно-эстетической точки зрения позволяет вписать «Путешествие от Моздока до Тифлиса» в русскую литературную традицию жанра путешествия, а также выявить специфику художественного мастерства А. С. Грибоедова в передаче окружающей действительности.

2. Эстетика «*pittoresque voyage*» в «кавказском тексте»

А. С. Грибоедова

В пятом фрагменте «Путешествия от Моздока до Тифлиса» («5-ый переход») А. С. Грибоедов, описывая переправу через Терек, приводит французское слово *pittoresque* (*Несколько переправ через Терек, множество селений, pittoresque. Селение Казбек, вид огромного замка, тюрьма внутри, церковь из гранита* [Там же, с. 32]), переведенное в коммента-

риях как «живописное». Примечательно, что на рубеже XVIII—XIX века французское слово *pittoresque* и его английский вариант *picturesque* утвердились в языковой картине мира в качестве эстетической оценки произведений искусства, кроме того, в сочетании с французским *voyage* или английским *travel* стало частым именованием особой разновидности жанра путешествия в европейской литературе и живописи — «живописное путешествие». Наиболее популярные произведения, созданные в рамках этого жанра, характерны для французской путевой прозы: «Маршрут из Парижа в Иерусалим» (1811) Ф.-Р. де Шатобриана и «Путешествие на Восток» (1835) А. де Ламартина. В русской культуре живописные путешествия были распространены в форме путевых альбомов с иллюстрациями: к таковым можно отнести издания «Путешествия в Туркмению и Хиву» Н. Муравьева (1822), «Письма о Восточной Сибири» А. Мартоса (1827), «Путевые записки, веденные во время пребывания на Ионических островах, в Греции, Малой Азии и Турции в 1835 году» В. П. Орлова-Давыдова, «Сцены на море» Н. Давыдова (1835), «Греция или галерея достопамятных видов и развалин этой классической земли» И. Делакроа (1837), «Картины России и быт разноплеменных народов» П. Свинына, «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» Н. Греча (1839). Слово *pittoresque* позднее использует художник Г. Г. Гагарин в названии своего кавказского альбома литографий «Le Caucase pittoresque» (Париж, 1847—1857).

Обоснование эстетических принципов «*pittoresque voyage*» составил английский художник конца XVIII века У. Гилпин, известный своими работами о живописном. Согласно эстетической концепции У. Гилпина, изложенной в серии очерков 1792 года «О живописной красоте», «О живописном путешествии и о наброске пейзажа, к которому добавляется стихотворение», «О пейзажной живописи», «*pittoresque*», это «поиск красоты любого рода, составляющей зрелище природы» [Gilpin, 2002, p. 72]. Данная форма путевой прозы содержит не только собственное описание увиденного — описание ландшафтов, этнографические наблюдения, заметки об архитектуре и живописи, — но в большей мере отражает сами эмоциональные впечатления, вызванные процессом любования живописным. В этой связи наиболее точно жанру живописного путешествия отвечают путевые наблюдения, сделанные по отношению только к ранее неизвестной путешественнику местности, ибо, по мысли У. Гилпина, поиск живописного требует «тревоги ожидания» и «любви к новизне» [Ibid.]. Таким образом, *pittoresque voyage* — это не просто подробное изложение увиденного окружающего мира, путешествие-созерцание, связанное с «описанием нравов и обычаев страны» [Киселева и др., 2017в, с. 137], как то было в литературе сентиментализма, а облечение

в словесную форму впечатлений от восприятия зримого образа, отвечающее сначала романтизму, а затем и реализму, в эстетике которых визуальное начало преобладало в оценках действительности.

«Путешествие от Маздока до Тифлиса» А. С. Грибоедова, отправившегося в 1818 году впервые в дорогу через Дарьяльское ущелье, представляет собой набор картин с красочными характеристиками Кавказа, лирическими описаниями природы, бытовыми сюжетами. Пестрота и многогранность зарисовок, составляющих целый калейдоскоп кавказских видов, объединенных логикой пути, позволила А. С. Грибоедову вписать Кавказ в панораму малоизвестных на тот момент мест. Виды Терека, Владикавказа, Казбека, Дарьяльского ущелья, Гуд-горы, Арагвы, осетинских аулов представлены поэтом по принципу камеры-обскуры, А. С. Грибоедов не представляет разом целой панорамы, а видит отдельные наиболее яркие кадры, его сосредоточенное внимание выхватывает самостоятельные сцены и виды, отсюда в созданном описании наблюдается отрывочность и одновременно цепкость: *Редут направо. Замок остениский. <...> Замок и конические башни налево* [Грибоедов, 1911—1917, т. III, с. 31]. Постижение кавказской жизни становится для А. С. Грибоедова процессом, сходным с рассматриванием живописного произведения. Неслучайно отдельные открывающиеся взору пейзажи и сцены поэт называет картинами или видами (*разные виды на горах; вид огромного замка; скачу, прискакиваю, картина* [Там же, с. 31—33]). Поэт вглядывается в каждый элемент пейзажа или быта, чтобы прочувствовать особенности кавказской ментальности, а череду открывающихся взору новых картин называет «*постепенностью*» (*Поднимаемся выше и выше. Постепенность видов* [Там же, с. 32]). Разглядывание кавказских картин, неведомых поэту ранее, вызывает у А. С. Грибоедова череду ассоциаций, связанных с древними мифами (*орлы и ястреба, потомки Прометеевых терзателей* [Там же, с. 31]), и целую палитру впечатлений — от восхищения живописными видами (*Терек, множество селений, picturesque* [Там же, с. 32]) до смятения (*взгляд назад — темно, смятение* [Там же, с. 30]) и даже ужаса (*ужас от необычайно высоких утесов* [Там же, с. 31]).

Для объединения отдельных фрагментов в цельную панораму Кавказа А. С. Грибоедов использует систему пространственных координат (*взгляд назад; против ворот; на ближнем холме; башни налево* [Там же, с. 31, 32, 33]), с помощью которой попеременно то создает дальние планы, то максимально приближает изображение, показывает едва доступный взору *уиней на листьях* [Там же, с. 30]. Слова и сочетания с пространственным значением организуют широкое пространство, состоящее из чередования мно-

жества планов: переднего, внутри которого находится сам наблюдатель, чьими глазами представлена картина (большую часть путевых фрагментов поэт начинает с указания на наблюдателя: *мы едем; пускаемся вперед; выступаем из редута* [Там же, с. 30, 31]), далее взгляд обращается наверх к горам и небу, тем самым фиксируются пейзаж и погодные условия (*верхи снежных гор просвечивают; орлы и ястребы; разные виды на горах; аул на главе горы; руины на скале* [Там же, с. 31, 32, 33]), далее взгляд снова приближается, сужая пространство до доступных теперь мельчайших этнографических или бытовых деталей (*обозы, барабанный бой для сбора; лошадь ушла; по камням все ходят; наша квартира* [Там же, с. 32, 33]). Значение сложной по структуре организации пространства связано не только с передачей ощущения бесконечности наблюдаемого пространства, но и с возможностью создания целостного впечатления от кавказской жизни.

В кавказских видах А. С. Грибоедова привлекает красочность, которую поэт стремится передать в слове. В этом внимании к цвету, игре солнечного луча проявляется живописность созданных описаний. В представленных путевых фрагментах колористическую палитру поэта составляют не только традиционные цветовые обозначения (*между зеленых круглых камушков* [Там же, с. 31]), но и разработанная система различных цветовых оттенков, которые А. С. Грибоедов улавливает при рассматривании гор и неба, а также интерес к цветовым контрастам: *румяные облака; золотистые холмы по временам; светло-облачный, перемешанный с лазурью цвет горных вершин; контраст зеленых огород с седыми верхами гор* [Там же, с. 31, 32, 33]. Введение в текст цветовых характеристик (в том числе передача оттенков цветов) позволило А. С. Грибоедову выразить свои ощущения «перед необузданной мощью и яростью божественных созданий» [Эпштейн, 1990, с. 90].

3. Принцип местного колорита в «кавказском тексте»

А. С. Грибоедова

Далеко не все кавказские виды становятся привлекательными для взора А. С. Грибоедова. В письме к С. И. Мазаровичу, которое предшествовало поездке, поэт сообщает из Моздока: *Вот мы и у подножья Кавказа, в сквернейшей дыре, где только и видишь, что грязь да туман, в которых сидим по уши. Было б отчего с ума сойти, если бы приветливость главнокомандующего полностью нас не вознаграждала за все напасти моздокские (12 октября 1818 г.)* [Грибоедов, 1988, с. 454]. Лишенные взволнованности, масштабности и роскоши, кавказские виды у А. С. Грибоедова становятся прозаичными; приближая описание к реальности, поэт стремится к правдоподобию изображения. Пребывание на Кавказе откры-

вает для А. С. Грибоедова объективный мир, прежде всего, как отмечает И. Виноградов в связи с пушкинской «предметностью» и «действительностью», «в его географическом и этнографическом аспекте, во всей его пестроте и занимательности» [Виноградов, 1934, с. 74]. А. С. Грибоедов старается подметить «индивидуальную физиономию» [Там же] кавказской местности: его взор привлекает не только красочность неба, облаков и горные пейзажи, но и жизнь человека в ее повседневности. Живописное у А. С. Грибоедова проявляется не только в способном воздействовать на чувства читателя любовании пейзажем, деталями костюма и бытом (как то в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина, см. подробнее [Киселева и др., 2017a]), но и в предметности мира вокруг. Пребывая в Дарьяльском ущелье, поэт видит не только *необычайно высокие утесы*, но и *копны, стога, лошако<ов> на вершине*, наряду с *красотой долины* и *седыми верхами гор* останавливает внимание на *зеленых огородах* и воротах с надписью (*ворота, надпись: оно тут не глупо*), наблюдая за диким миром природы, вспоминает о повседневной человеческой потребности в принятии пищи: *Фазаны, вепри, серны (различные названия), да негде их поесть в Владикавказе* [Грибоедов, 1911—1917, т. III, с. 31, 32, 33]. Кавказ становится для А. С. Грибоедова поиском нового и доселе невиданного в жизни, и в то же время его необычность поэт «относит по приметам времени к повседневности» [Есаулов и др., 2015, с. 11]. Взгляд А. С. Грибоедова концентрируется на самом топосе Кавказа, в этом смысле его путевые наблюдения являют собой ступень перехода к реализму и интересны обновлением поэтики и эстетики визуального образа по сравнению с классицизмом, когда реальные, вещные детали наполнялись сложной символикой и аллегоризмом, вплоть до создания условного пространства, как то у М. В. Ломоносова: *Веселый взор свой обращает // И вокруг довольства исчисляет Возлегиши локтем на Кавказ* [Ломоносов, 1959, с. 222]. У А. С. Грибоедова же Кавказ носит «чувственно-конкретный эстетический характер — он осязаем зрением» [Киселева, 2019, с. 275], становится самоценным, в связи с чем прежние символика и аллегоризм в его описаниях сменяются местным колоритом.

Местный колорит, или *coulter locale*, — новый принцип изображения, выражающийся в заинтересованности путешественника находить своеобразие и оригинальность в чужой природе и другом человеке, является одним из наиболее важных принципов эстетики *pittoresque voyage*. Понятие «*coulter locale*» активно разрабатывалось в периодических изданиях 1820-х годов. Если в предшествующую эпоху местный колорит (или правдоподобие) применялся по отношению к живописи и рассматривался как «со-

блюдение законов освещения, существующих в Природе» [Дюбо, 1976, с. 145], то теперь эстетическая мысль провозглашала необходимостью для произведения искусства передачу колорита места и времени, то есть точное воспроизведение национальных картин, исторического облика событий, внимание к житейскому. Художники подразумевали под *coulour locale* высшую похвалу живописному произведению: «колорит местный, верный и живой» [Взгляд ..., 1825, с. 356]. Так, «местную правду» подмечает Н. В. Кукольник в связи с картинами М. Н. Воробьева [Кукольник, 2013, с. 2019], по отношению к художнику в качестве недостатка указывается на «отсутствие местного колорита» [Академия Художеств ..., 1820, с. 273]. Понятие «*coulour locale*» в 1820-х годах включает в себя не только подмеченные колористические детали пейзажа (так оно употреблялось в живописи XVIII века — в значении естественности в распределении света и тени), но сам эффект подлинности атмосферы, жизни, характера. Размышляя о составе *coulour locale*, Ж.-Б. Сей отметил, что своеобразие местной географии составляют «климат, плодородие почвы и поступы истории» [Сей, 1828, с. 127]. В этом же ключе местный колорит воссоздан и у А. С. Грибоедова, поэт концентрирует свое описание кавказского пространства вокруг ландшафта, климата и истории.

Кавказская природа представлена А. С. Грибоедовым не в форме традиционных пейзажей-описаний, а во взаимодействии с человеком, и в представленном контексте она часто оказывается враждебной ему. Новый переход открывается описаниями погоды: поэт фиксирует каждое природное изменение, быструю переменчивость, сложность преодоления погодных условий. Пространство Кавказа лишено маркированности — горы не представлены благодатным пространством, напротив, поэт подчеркивает, что это именно ландшафт (*Приближаемся к ландшафту: верхи в снегу, но еще не снежные горы, которые скрыты* [Грибоедов, 1911—1917, т. III, с. 29]), пребывание в условиях которого требует от путника преодоления целого ряда препятствий, связанных как с неудобством перемещения по еще непокоренной человеком местности (поэт не раз обращает внимание на неудобство дороги: *путь излучистый, с крутизны на крутизну; непроходимость от множества камней; крутой спуск, слишком, две версты* [Там же, с. 29]), так и с климатическими особенностями (*смешение времен года; погода меняется, ветер, небо обложилось; вступаем в царство непогод* [Там же, с. 30]).

Большое внимание А. С. Грибоедов отводит ландшафту, который конкретизирует географически (Дарьяльское ущелье, Казбек, Крестовая гора, Коби), топологически (горы, реки, долины), различает строение гор (уте-

сы, верхи, пропасти, ущелья). Изображенное пространство включает в себя описание флоры и фауны, звуков природы. Следует заметить, что, хотя цветность поэт находит в горных пейзажах, его больше привлекают пейзажи долинные, на нижних склонах он находит приятное для себя состояние одиночества (*Пускаю лошадь наудачу в сторону; приятное одиночество; лошадь ушла, возвращается к верховым* [Там же]). Именно по отношению к долине в путевом журнале дана восторженная оценка: *Владикавказ на плоском месте; красота долины* [Там же], — да и само живописное зрелище природы (*pittoresque*) А. С. Грибоедов постигает при переправе через Терек, наблюдая множество селений, видя монастырь на Казбеке. Разрабатывая собственную эстетику живописного, Грибоедов дифференцирует ландшафт — поэт противопоставляет типично русский равнинный рельеф горному рельефу Кавказа. Если горные вершины, подъемы ассоциируются с препятствиями, преодолевая которые сложно любоваться местностью, то движение по долинам, то есть горизонтальному пространству, привычнее для русского, глаз радуется *веселым картинам* [Грибоедов, 1911—1917, т. III, с. 32] — поэта привлекает водная стихия, он любит изгибы реки, которая *течет быстро и шумно* (Арагва) или *между диких и зеленых камушков* (Терек), старается охватить всю пестроту обжитой местности (*все начинает зеленеться, <...> Арагва внизу вся в кустарниках, тьма пашней, стад, разнообразных домов, башен, хат, селений, стад овец и коз, церквей и монастырей разнообразных* [Там же]) Еще ярче подобная ландшафтная дифференциация заметна в стихотворении «Хищники на Чегеме» (1825), в котором ландшафт становится символически наполненным, как пишет И. А. Киселева, «выражает идею через реально зримые поэтические очертания» [Киселева, 2017, с. 75]. Кавказец любит горы: *Та же в небе синева, // Те же льдяные громады, // Те же с ревом водопады, // Та же дикость, красота // По ущельям разлила!* [Грибоедов, 1911—1917, т. I, с. 15]. В своем монологе горец говорит о невозможности постижения странниками из края *сел и нив* кавказских горных красот и нравов кавказцев, кавказский вид создан самой историей: *Вековые высоты досягнешь ли?* [Там же].

В отличие от описания ландшафта и климата, описанию национальных традиций и патриархального быта горцев уделено значительно меньше места, поэт скорее воплощает «романтические представления о мире в сопоставлении мира внутреннего и мира природы» [Поташова, 2015, с. 10]. Лишь изредка А. С. Грибоедов указывает на некоторые этнографические детали: *Непроходимость от множества камней; <...> один разделен надвое, служит вратами; <...> под иным осетинцы варят, как в пещере; Опять знакомые берега. Утренняя песнь грузинцев* [Грибоедов,

1911—1917, т. III, с. 33]. В то же время общее настроение тоски и разочарования, сквозящее в описании каждого подъема, связано именно с увиденными картинами из жизни горцев. Неслучайно записи впечатлений от первых переходов большого объема в сравнении с последующими, последние же две записи, соответствующие седьмому и восьмому переходу, вовсе рассказывают об увиденном в трех-четыре предложениях. Еще в письме к С. И. Мазаровичу А. С. Грибоедов пишет о предстоящей поездке: *Было б отчего с ума сойти* [Грибоедов, 1988, с. 454]. Следует сказать, что настроением тоски журнальные записи Грибоедова принципиально отличаются от других путешествий конца XVIII — начала XIX веков. Как указывает Е. Э. Овчарова в связи с более поздними произведениями *pittoresque voyage* в европейской литературе (середина XIX века), путешественники «уже не могли сохранить тот энтузиазм, которым были переполнены путешественники эпохи Просвещения» [Овчарова, 2010, с. 43]. Скуку в путевых впечатлениях Флобера от Египта (1850) и Теофиля Готье от Константинополя (1852) Е. Э. Овчарова объясняет «невозможностью подлинного постижения чужих стран» [Там же]. У А. С. Грибоедова, внесшего мотив тоски в русскую путевую литературу, эта невозможность проникновения чужой культурой также объясняет возникшее общее настроение. Но особенно обострено это чувство в связи с увиденными реалиями из жизни горцев: наблюдая за ними Грибоедов испытывает разочарование в романтическом вольнолюбии, горцы — носители свободы — лишают этой свободы русских: *Там, на базаре, выводили на продажу захваченных людей, поэт вспоминает как в этих местах русских загнали в крепость <...>, их выпустили на переговорах, <...> пустили бежать в разные стороны и перестреляли, как дичь* [Грибоедов, 1911—1917, т. III, с. 34]. В то же время самих кавказцев А. С. Грибоедов называет *вольным, благородным народом*, горца — *несчастливым смельчаком*. Рассматривая военный конфликт как «сложный взаимонаправленный процесс» [Юхнова, 2015], А. С. Грибоедов ратует за сохранение пленительного в своей первозданности, но хрупкого и легко разрушимого кавказского мира. В финале стихотворения «Хищники на Чегеме» поэт облакает всю кавказскую природу в зримую, символическую оболочку — *обломок хрусталия*, и в этом вещественном образе выражает свое отношение к окружающей действительности: *Вот обломки хрусталия! // Пьем бузу! Стони, земля! // Кликом огласись, ущелье! // Падиши мир, живым веселье. // Раз еще увидел взор // Вольный край родимых гор!* [Грибоедов, 1911—1917, т. I, с. 17]. Подчиняя других людей своей вере, горцы сами своей жестокостью разрушают пленительный хрустальный мир, заставляя его страдать.

4. Выводы

В творчестве А. С. Грибоедова топоним Кавказа обнаруживает себя в многообразии акцентированных деталей, в ярко выраженной четкости изображения. Стремясь к созданию «пластического образа внешнего мира» [Киселева и др., 2018, с. 41], зрительной конкретности, поэт отбирает в окружающем мире «живописное» и последовательно фиксирует впечатления от увиденного, что позволяет ему представить Кавказ не в идеальной, а в земной плоскости, создать реалистическую копию зримого мира. Провозглашая в изображении Кавказа принцип местного колорита, А. С. Грибоедов придает ландшафту осязаемость, воссозданное им пространство узнается в вещественной конкретике. Воспринимая природу Кавказа как эстетический объект и рассматривая ее подобно серии картин, А. С. Грибоедов представляет самобытность Кавказа, осмысляет законы его мироустройства, находя поддержку для выражения своих идей и настроений в видении природных и бытовых картин.

Источники

1. *Грибоедов А. С.* Полное собрание сочинений : в 3 т. / под редакцией и с примечанием Н. К. Пиксанова, И. А. Шляпкина / А. С. Грибоедов. — Санкт-Петербург : Издание Разряда изящной словесности Императорская академия наук, 1911—1917.
2. *Грибоедов А. С.* Письма / А. С. Грибоедов // Сочинения. — Москва : Художественная литература, 1988. — С. 442—662.
3. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи, 1732—1764 / М. В. Ломоносов. — Москва ; Ленинград : АН СССР, 1959. — 1280 с.
4. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений : в 17 т. Т. 8, кн. 1. Романы и повести. Путешествия / А. С. Пушкин. — Москва ; Ленинград : АН СССР, 1948. — 490 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдалтаджедини Н.* Топонимы-иранизмы в «Путевых заметках» и письмах А. С. Грибоедова : к норме картографической топонимии Кавказа XIX в. / К. Абдалтаджедини // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2014. — № 3. — С. 163—167.
2. *Академия художеств (Продолжение)* // Сын Отечества. — 1820. — № XXXIX. Ч. 64. — С. 255—277.
3. *Взгляд на новые отличные произведения искусства* // Отечественные записки. — 1825. — Ч. 21. № 58. — С. 350—360.
4. *Виноградов И.* Путь Пушкина к реализму / И. Виноградов // Литературное наследие [Александр Пушкин]. — Москва : Журнально-газетное объединение, 1934. — Т. 16 / 18. — С. 49—90.
5. *Дюбо Ж.-Б.* Критические размышления о живописи и поэзии / Ж.-Б. Дюбо. — Москва : Искусств, 1976. — 767 с.

6. Есаулов И. А. Структуры повседневности и творческий эксперимент в русской словесности, философии, культуре (V Балтийский международный семинар-дискуссия) [Электронный ресурс] / И. А. Есаулов, И. А. Киселёва, Ю. Н. Сытина, Е. В. Степанян, Е. А. Коршунова, Н. В. Михаленко, Г. Д. Певцов, В. Х. Гильманов // Вестник Московского государственного областного университета. — 2015. — № 3. — Режим доступа : <https://vestnik-mgou.ru/Articles/View/703>.

7. Казиева А. М. Кавказская действительность в интерпретации А. С. Грибоедова и поэтов-декабристов : мотивное измерение / А. М. Казиева, А. А. Плисс // Гуманитарные исследования. — 2015. — № 2 (54). — С. 92—96.

8. Киселева И. А. Одежда у Н. М. Карамзина как примета исторического времени и национального характера / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2017а. — № 5. — С. 113—121.

9. Киселева И. А. Семантика и поэтика русского костюма в «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина / И. А. Киселёва, К. А. Поташова // Проблемы исторической поэтики. — 2018. — Т. 16. № 2. — С. 36—48.

10. Киселева И. А. Творческая история стихотворения М. Ю. Лермонтова «Спор» (1841) в культурно-историческом контексте / И. А. Киселева, К. А. Поташова, Е. А. Сеchenых // Научный диалог. — 2019. — № 10. — С. 264—279. — DOI : 10.24224/2227-1295-2019-10-264-279.

11. Киселева И. А. Творчество М. Ю. Лермонтова как религиозно-философская система : монография. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : ИИУ МГОУ, 2017б. — 178 с.

12. Киселева И. А. Шляпа как деталь костюма и средство характеристики персонажа в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации. Сборник научных трудов по итогам международной научной конференции, посвященной памяти д.ф.н., профессора Войловой К. А. / ответственный редактор О. В. Шаталова. — Москва : ИИУ МГОУ, 2017в. — С. 137—146.

13. Кукольник Н. В. Избранные труды по истории изобразительного искусства и архитектуры / Н. В. Кукольник. — Санкт-Петербург : Библиотека Российской академии наук, 2013. — 456 с.

14. Овчарова Е. Э. О метаморфозе жанра *voyage pittoresque* во французской путовой прозе / Е. Э. Овчарова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2010. — № 4. — С. 42—49.

15. Пиксанов Н. К. Примечания / Н. К. Пиксанов // Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений : в 3 т. — Санкт-Петербург : Издание Разряда изящной словесности Академии наук, 1911—1917. — 1917. — Т. 3. — С. 279—365.

16. Поташова К. А. Влияние живописи на эстетический идеал русской литературы первой трети XIX века (А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / К. А. Поташова. — Москва, 2015. — 22 с.

17. Сей Ж.-Б. О влиянии успехов политической экономии на народное благосостояние. Перевод / Ж.-Б. Сей // Атений. — 1828. — Ч. VI. № 22. — С. 121—132.

18. Смирнов Д. А. Комментарии / Д. А. Смирнов // Грибоедов А. С. От Моздока до Тифлиса // Русское Слово. — 1859. — № 5. — С. 9—13.

19. Фомичев С. А. Комментарии / С. А. Фомичев // Грибоедов А. С. Сочинения. — Москва : Художественная литература, 1988. — С. 663—726.

20. Ходанен Л. А. Культурный концепт «Кавказ» и его текстообразующая роль в творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова / Л. А. Ходанен // Сибирский филологический журнал. — 2015. — № 4. — С. 47—57.

21. Эпштейн М. П. Природа, мир, тайник вселенной : система пейзажных образов в русской поэзии / М. П. Эпштейн. — Москва : Высшая школа, 1990. — 303 с.

22. Юхнова И. С. Очерк «Кавказец» в контексте творчества М. Ю. Лермонтова [Электронный ресурс] / И. С. Юхнова // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1-1. — С. 11—27. — Режим доступа : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17118>.

23. Gilpin W. Three essays : on picturesque beauty, on picturesque travel and on sketching landscape : to which is added a poem, on landscape painting / W. Gilpin. — Gale EC-CO, Print Editions. — 2010. — 164 p.

POETICS OF VISUAL IMAGE IN “CAUCASIAN TEXT” BY A. S. GRIBOEDOV¹

© Ksenia A. Potashova (2020), orcid.org/0000-0002-0164-0371, ResearcherID Y-9252-2018, SPIN 7997-0089, Phd in Philology; associate professor; Department of Russian Classical Literature, Moscow Region State University (Moscow, Russia), kseniaslovo@yandex.ru.

The object of the research is the “Caucasian text” by A. S. Griboedov in his pictorial aesthetics. The purpose of the study is to identify the features and principles of creating the illusion of visual perception in the “Caucasian text” by A. S. Griboedov. The relevance of the problem is determined by the accentuation of the value acquaintance of the Russian reader with the Caucasian culture in its natural component, as well as the insufficient knowledge of the “Caucasian text” by A. S. Griboedov and the need to clarify the features of the formation of the poet's artistic method. The novelty of the study is to identify the features of the poetics of visualization in the “Caucasian text” by A. S. Griboedov, to determine the mechanisms of verbal transmission of the picturesque. By analyzing the “Caucasian text” in the tradition of picturesque voyage (traveling in search of the picturesque), the article first examines the poetics of pictorial art of A. S. Griboedov, manifested in the selection of colorful views, following the principle of local color, finding color solutions for verbal landscapes. Among the leading principles of visualization, the principles of framing, the alternation of general, large and super-large (volumetric images of small details) plans stand out. Conclusions are drawn about the importance of visualization tools for creating natural and national everyday paintings in the Caucasus. The dominance of the poetics of tangible objectivity in the reproduction of national paintings and historical events allows us to consider the “Caucasian text” by A. S. Griboedov as a step towards a new, realistic tradition of depicting the Caucasus, and realism as the basis of the poet's artistic method.

Key words: visualization; artistic image; picturesque voyage; local flavor; Caucasus; A. S. Griboedov.

MATERIAL RESOURCES

Griboedov, A. S. (1911—1917). *Polnoye sobraniye sochineniy: v 3 t.* Sankt-Peterburg: Izdaniye Razryada izyashchnoy slovesnosti Imperatorskaya akademiya nauk. (In Russ.).

¹ This article was prepared with the financial support of the RSF, project No. 19-78-00118 “Visualization of the artistic image in Russian poetry of the late XVIII — first third of the XIX century”.

- Griboyedov, A. S. (1988). Pisma. In: *Sochineniya*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. 442—662. (In Russ.).
- Lomonosov, M. V. (1959). *Polnoye sobraniye sochineniy: v 11 t., 8: Poeziya, oratorskaya proza, nadpisi, 1732—1764*. Moskva; Leningrad: AN SSSR. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1948). *Polnoye sobraniye sochineniy: v 17 t., 8 (1). Romany i povesti. Puteshestviya*. Moskva; Leningrad: AN SSSR. (In Russ.).

References

- Abdaltadzhedini, N. (2014). Toponimy-iranizmy v «Putevykh zametkakh» i pismakh A. S. Griboyedova: k norme kartograficheskoy toponimii Kavkaza XIX v. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, 3: 163—167. (In Russ.).
- Akademiya khudozhestv (Prodolzheniye). (1820). *Syn Otechestva*, XXXIX (64): 255—277. (In Russ.).
- Dyubo, Zh.-B. (1976). *Kriticheskiye razmyshleniya o zhivopisi i poezii*. Moskva: Iskusstv. (In Russ.).
- Epshteyn, M. P. (1990). *Priroda, mir, taynik vselennoy: sistema peyzazhnykh obrazov v russkoy poezii*. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
- Esaulov, I. A., Kiseleva, I. A., Sytina, Yu. N., Stepanyan, E. V., Korshunova, E. A., Mikhailenko, N. V., Pevtsov, G. D., Gilmanov, V. Kh. (2015). Struktury povsednevnosti i tvorcheskiy eksperiment v russkoy slovesnosti, filosofii, kulture (V Baltiyskiy mezhdunarodnyy seminar-diskussiya). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, 3. Available at: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/703>. (In Russ.).
- Fomichev, S. A. (1988). Kommentarii. In: *Griboyedov A. S. Sochineniya*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura. 663—726. (In Russ.).
- Gilpin, W. (2010). *Three essays: on picturesque beauty, on picturesque travel and on sketching landscape: to which is added a poem, on landscape painting*. Gale EC-CO, Print Editions.
- Khodaneni, L. A. (2015). Kulturnyy kontsept «Kavkaz» i yego tekstoobrazuyushchaya rol' v tvorchestve A. S. Pushkina i M. Yu. Lermontova. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*, 4: 47—57. (In Russ.).
- Kaziyeva, A. M., Pliss, A. A. (2015). Kavkazskaya deystvitel'nost' v interpretatsii A. S. Griboyedova i poetov-dekabristov: motivnoye izmereniye. *Gumanitarnyye issledovaniya*, 2 (54): 92—96. (In Russ.).
- Kiseleva, I. A. (2017). *Tvorchestvo M. Yu. Lermontova kak religiozno-filosofskaya sistema: monografiya*. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva: IIU MGOU. (In Russ.).
- Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2017). Odezhda u N. M. Karamzina kak primeta istoricheskogo vremeni i natsionalnogo kharaktera. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*, 5: 113—121. (In Russ.).
- Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2017). Shlyapa kak detal' kostyuma i sredstvo kharakteristiki personazha v «Pismakh russkogo puteshestvennika» N. M. Karamzina. In: *Russkiy yazyk v slavyanskoy mezhkulturnoy kommunikatsii. Sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati d.f.n., professora Voylovy K. A.* Moskva: IIU MGOU. 137—146. (In Russ.).

- Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2018). Semantika i poetika russkogo kostyuma v Istorii Gosudarstva Rossiyskogo N. M. Karamzina. *Problemy istoricheskoy poetiki*, 16 (2): 36—48. (In Russ.).
- Kiseleva, I. A., Potashova, K. A., Sechenykh, E. A. (2019). Tvorcheskaya istoriya stikhotvoreniya M. Yu. Lermontova «Spor» (1841) v kulturno-istoricheskom kontekste. *Nauchnyy dialog*, 10: 264—279. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-264-279. (In Russ.).
- Kukolnik, N. V. (2013). *Izbrannyye trudy po istorii izobrazitel'nogo iskusstva i arkhitektury*. Sankt-Peterburg: Biblioteka Rossiyskoy akademii nauk. (In Russ.).
- Ovcharova, E. E. (2010). O metamorfoze zhanra voyage pittoresque vo frantsuzskoy putevoy proze. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika*, 4: 42—49. (In Russ.).
- Piksanov, N. K. (1917). Primechaniya. In: Griboyedov A. S. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 3 t., 3*. Sankt-Peterburg: Izdanie Razryada izyashchnoy slovesnosti Akademii nauk, 1911—1917. 279—365. (In Russ.).
- Potashova, K. A. (2015). *Vliyaniye zhivopisi na esteticheskiy ideal russkoy literatury pervoy treti XIX veka (A. S. Pushkin i M. Yu. Lermontov): avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva. (In Russ.).
- Sey, Zh.-B. (1828). O vliyaniy uspekhnov politicheskoy ekonomii na narodnoye blagosostoyaniye. *Perevod. Ateney*, VI (22): 121—132. (In Russ.).
- Smirnov, D. A. (1859). Kommentarii. Griboyedov A. S. *Ot Mozdoka do Tiflisa. Russkoye Slovo*, 5: 9—13. (In Russ.).
- Vinogradov, I. (1934). Put' Pushkina k realizmu. *Literaturnoye nasledstvo [Aleksandr Pushkin]*, 16 / 18. Moskva: Zhurnalno-gazetnoye obyedineniye. 49—90. (In Russ.).
- Vzglyad na novyye otlichnyye proizvedeniya iskusstva. (1825). *Otechestvennyye zapiski*, 21 (58): 350—360. (In Russ.).
- Yukhnova, I. S. (2015). Ocherk «Kavkazets» v kontekste tvorchestva M. Yu. Lermontova. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya, 1-1*: 11—27. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17118>. (In Russ.).